ЛЕВ СИМКИН

ЕГО ПОВЕСИЛИ НА
ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ.
АРХИВНАЯ ДРАМА

Лев Семёнович Симкин
Его повесили на площади
Победы. Архивная драма
Серия «Памяти XX века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31514701

*Его повесили на площади Победы. Архивная драма / Лев Симкин: АСТ :
CORPUS; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107163-9*

Аннотация

Когда начался Холокост? Кто разжег костер Всесожжения? Автор книги дает на эти вопросы вполне определенные ответы: массовое уничтожение евреев за то, что они родились евреями, началось летом 1941 года после вторжения нацистской Германии в Советский Союз, у истоков геноцида стоял обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции, высший фюрер СС и полиции на юге, а позднее и на севере России Фридрих Еккельн, ставший палачом Бабьего Яра и Рижского гетто. Это один из величайших злодеев великой войны, о котором до сих пор мало что известно. Автору пришлось по крупицам собирать сведения в архивах. К рассекреченным материалам Рижского процесса 1946 года, по приговору которого Еккельн был повешен, добавились материалы из американских и германских документальных хранилищ.

По ходу повествования автор приводит драматические истории, порой косвенно относящиеся к центральному персонажу книги. Так в ней оказались рассказы о судьбе митрополита, создателя Псковской православной миссии, в чьем убийстве обвинялся Еккельн, о спасенной одним из его соратников девушке из Рижского гетто, о незаконнорожденной дочери палача, о чудовищном нацистском проекте “Лебенсборн”. Перед нами “архивная драма”, удивительным образом являющаяся ничем не ретушированный ужас произошедшего.

Содержание

Работа у них такая	7
И у него было сердце?	9
Рационализаторы зла	11
Психология зла – 1	15
Тот, кто начал Холокост	17
Свидетель	22
Три источника	23
Не просто работа	28
Глава 1	32
Высшее без среднего	33
Кавалер Железного креста	35
“Расово грязная” женитьба	37
Психология зла – 2	41
Друзья	43
Неудачник	46
Психология зла – 3	49
Глава 2	51
Пропагандист	52
“Новая порода”	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лев Симкин

Его повесили на площади Победы. Архивная драма

© Л. Симкин, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2018

© Г. Резник, послесловие, 2018

© ООО “Издательство АСТ”, 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

...3 февраля 1946 года в три часа дня в открытом кузове грузовика на площади Узварас (Победы) в Риге в мундире без знаков различия стоял с накинутой на шею петлей палач Рижского гетто – обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции Фридрих Еккельн. Рядом в ожидании казни стояли еще пять гитлеровских генералов и один полковник. В половине четвертого всем затянули петли, и водители грузовиков по команде одновременно дали газ.

Повешенных окружила толпа. Некоторые подбегали к трупам и били их палками. С Еккельна сдернули штаны. На следующий день он вновь висел одетым, только уже не в ге-

неральские брюки с лампасами, а в солдатские. Тела раскачивались на виселице еще долго, покуда их не сняли и не похоронили.

...Начало Холокоста принято отсчитывать с января 1933 года – с момента прихода Гитлера к власти. Реже историки его относят к ноябрю 1938 года, когда свершилась Хрустальная ночь. Еще реже – к декабрю 1941 года, когда в кузове грузовика в концлагере Хелмно была оборудована газовая камера.

Никто не ведет отсчет с 22 июня 1941 года, когда германская армия и идущие следом отряды убийц из айнзатцгрупп перешли советскую границу. Или со следующего дня, когда Фридрих Еккельн приступил к обязанностям высшего фюрера СС и полиции на юге России (*HSSPF Russland-Süd*). Или с четырехдневного расстрела спустя два месяца, когда состоялось первое по-настоящему массовое убийство: в Каменце-Подольском по приказу Еккельна были убиты 23 600 человек – просто потому, что родились евреями. Бабий Яр был позже, и командовал там тоже он. И Рижское гетто – он.

Настоящая беда, назови ее греческим ли словом “холокост” (всесожжение), древнееврейским ли “шоа” (катастрофа), началась летом 1941 года. Вся нацистская Германия разводила костер Всесожжения, но разжег его не кто иной, как Фридрих Еккельн. Первый из тех, кого повесили на площади Победы.

Работа у них такая Вместо предисловия

*Цвет глаз средний
Цвет волос средний
Вес средний
Рост средний
Особые приметы – никаких
Число пальцев на руках – десять
Число пальцев на ногах – десять
Интеллект средний
А чего вы ожидали?
Когтей?
Выросших клыков?
Зеленой пены у рта?
Безумия?*

*Леонард Коэн
Все, что нужно знать об Адольфе Эйхмане*

Марк Крысобой был добрым человеком, правда, “с тех пор, как ему переломили нос добрые люди, он стал нервным и несчастным”. Адольф Эйхман был если не добрым, то по крайней мере не таким уж злым – обычным бюрократом, чернильным червем.

“Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме” – так назвала Ханна Арендт свою знаменитую книгу, философский репортаж с судебного процесса 1961 года. Правда, судили Эйхма-

на за преступление, которое ну никак не назовешь банальным, – под его приглядом было убито 4 миллиона человек. Но, с другой стороны, все вполне банально – он просто “делал свою работу”. Из “производственного” отчета возглавляемого им отдела гестапо IV-B-4 (август 1944 года), адресованного Генриху Гиммлеру, и взята та цифра – 4 миллиона. Цифра как цифра. Вот еще цифра – 6 миллионов или около того, то есть две трети всех евреев, живших в Европе перед Второй мировой войной, – мужчин, женщин и детей, – погибших во время Холокоста.

Сам Эйхман никого не убивал. Потому так разволновался, услышав во время судебного заседания одно из свидетельств (впрочем, впоследствии судом отвергнутое), будто бы однажды до смерти забил еврейского мальчика. В такое волнение его не могло ввергнуть обвинение в том, что он послал на смерть миллионы. Если б ему приказали убивать евреев лично, говорил Эйхман на допросе у следователя, он бы пустил себе пулю в лоб.

“А чего вы ожидали? Когтей? Выросших клыков? Зеленой пены у рта? Безумия?”

Положа руку на сердце, я лично ожидал. Ожидал чего-то, что выделяло бы этого изверга из числа других людей. И уж никак не думал, что зло вполне себе банально, особенно зло такого масштаба, как это.

И у него было сердце?

“Пусть общество продолжает видеть во мне жаждущее крови животное, жестокого садиста, убийцу миллионов, ведь иначе широкие массы коменданта Освенцима представлять не могут, – сокрушался Рудольф Хёсс в своих воспоминаниях, законченных незадолго до казни в 1947 году. – Они никогда не поймут, что и у него было сердце, что он не был плохим”.

Конечно, не был. Такая уж у Хёсса была работа. Поручили бы ему что другое – делал бы с тем же усердием. Иной раз Хёсс срывался, конечно, не без того: “Возможно, разозлившись на беспорядок или на проявления халатности, с которыми я столкнулся, я сказал не одно плохое слово, позволил себе высказывания, которые не должен был себе позволять. Но я никогда не был жестоким – я никогда не доходил до издевательств”.

Милые люди, такими их сделала работа. Или не совсем так? Или совсем не так, и зло есть зло, а добро есть добро, и вместе им не сойтись? Ну никак не укладывается в голове мысль о банальности зла, никак не получается растворить зло в окружающем мире, как бы убедительны ни были за то доводы. Во всяком случае, когда речь идет о массовых злодеяниях. Может, если поскрести этих людей, организаторов злодейств, найдется хоть что-то, что отличает их от обыва-

телей?

Стоит ведь немного погуглить, и узнаешь, что тот же Хёсс сидел в тюрьме за убийство (!) и был выпущен оттуда только после прихода к власти нацистов. 31 мая 1923 года вдвоем с Мартином Борманом они убили учителя Вальтера Кадова. Тот, как они полагали, во время французской оккупации Рура (правомочной по условиям Версальского договора) выдал властям Лео Шлагетера, национал-социалиста, казненного за саботаж – взрыв на железной дороге. Они вывезли Кадова в лес, избивали до полусмерти палками, потом перерезали горло и добились двумя выстрелами в голову.

Рационализаторы зла

Эйхман ни в чем таком замечен не был. По Ханне Арендт, то был ничтожный бюрократ, бездумно, но добросовестно выполнявший приказы начальства. Правда, это он сам изображал себя честным служакой. Ни разу за весь процесс не апеллировал к своим моральным или политическим убеждениям, к идеологии. Только к тому, что исполнял приказы. Да, они были несправедливы, да, уничтожение евреев было ужасным преступлением, но сам он был лишь винтиком бездушной машины.

На деле же Эйхман был вовсе не так прост. Он не тупо исполнял приказы, а делал то, что считал верным. Вот что его подчиненный Дитер Вислицени рассказал в свидетельских показаниях на Нюрнбергском процессе об их последней встрече в Берлине в феврале 1945 года: “Он сказал тогда, что если война будет проиграна, то он с улыбкой прыгнет в могилу, так как с удовлетворением сознает, что на его совести около 5 миллионов евреев”.

Только недавно стали известны транскрипты секретных интервью 1957 года, взятых у Эйхмана в Буэнос-Айресе голландским журналистом Виллемом Сассеном, в прошлом нацистом. Сделанные им магнитофонные записи показывают нам настоящего Эйхмана, излагавшего свободно то, что думает, видя в собеседнике единомышленника. “Другие уже

сказали, отныне буду говорить я” – так Сассен собирался озаглавить свою книгу, впрочем, так и не изданную.

Так вот, “ничтожный бюрократ”, который, по Арендт, “не был способен думать”, рассуждал – ни больше ни меньше – о философии Канта. И, разумеется, о “еврейской политике”. “Если бы мы убили 10,3 миллиона наших заклятых врагов, то только тогда наша миссия была бы выполненной”, – говорил Эйхман. Стало быть, считал порученное задание невыполненным – не всех евреев Европы удалось уничтожить.

Справедливости ради надо сказать, что к аргентинским документам Арендт доступа иметь не могла. И посему ошибалась относительно глубины эйхмановского антисемитизма. Правда, антисемитизм был широко распространен в среде национал-социалистов, в этом смысле он был вполне обычен, банален. В той же степени банальным было зло, которое творилось не монстрами, а обыкновенными, ничем не выделяющимися людьми.

Обыденному сознанию трудно смириться с этой мыслью по причинам психологического свойства. Выходит, страшные преступления совершаются такими же людьми, как мы с вами? Выходит, от любого при определенных обстоятельствах можно ожидать чего угодно? Или все же не от любого?

Как полагает Максимилиан Ауэ, эсэсовец-интеллектуал из романа Джона Лителла “Благоволительницы”, “об Эйхмане писали много глупостей. Он, конечно, не был врагом человечества”. Тем более что бесчеловечности вообще, по его

мнению, не существует, все, что есть, – человеческое и еще раз человеческое.

Если вы думаете, что эсэсовцы состояли, как нас учили, сплошь из тупых лавочников, то ошибаетесь. 6 из 15 командиров айнзатцгрупп и айнзатцкоманд на востоке имели докторскую степень, половина из 14 участников Ванзейской конференции были докторами права. Среди 23 эсэсовцев, осужденных в 1948 году американским трибуналом в Нюрнберге (в их числе командиры айнзатцгрупп Отто Олендорф и Гейнц Йост), были экономисты, адвокаты, архитектор, оперный певец, дантист и даже бывший священник. И все, представьте, многословно доказывали судье Майклу Масманно (тот потом написал об этом целую книгу), что к евреям не питают и не питали никакой ненависти, просто действовали по приказу, старались производить казни милосердно, с одного выстрела в затылок, и сами страдали, выполняя адскую работу.

Персонаж романа Лителла и сам рад бы найти тихую бумажную работу в тылу, но тем не менее берет в руки пистолет и идет добивать умирающих евреев. По команде реального исторического персонажа – обергруппенфюрера СС Фридриха Еккельна.

“Еккельн рассудил, что траншеи заполняются слишком быстро; тела падали как придется, беспорядочно; много места пропадало зря, на рытье новых ям тратилось время; а так приговоренные, раздевшись, ложились ничком на дно моги-

лы, стрелки стреляли в упор им в затылок... Потом офицер осматривал ряд и убеждался, что приговоренные мертвы; после этого тела покрывали тонким слоем земли и на них вальтом ложилась следующая группа; когда накапливалось пять-шесть рядов, яму засыпали”.

Задолго до Хёсса с его газовыми камерами Еккельн усовершенствовал метод массовых убийств, цинично назвав его “укладкой сардин” (*Sardinenpackung*).

Психология зла – 1

– Что есть зло? – спросил я у Сергея Ениколопова, психолога с мировым именем и едва ли не единственного в России специалиста по психологии зла. Его ответ меня слегка разочаровал.

– Зло, – ответил он, – результат обычных психологических процессов и их проявлений в поведении.

– Обычных ли? Неужели сила нацистского зла такова, что способна превратить в аморальных существ самых обычных людей?

– Да, обычных – в том смысле, что не безумных. Само явление масштабного зла, такого как геноцид, с трудом вмещается в наше сознание – оно бросает вызов рациональному пониманию, воспринимается как бессмысленное, иррациональное, как проявление безумия. Отсюда разговоры о паранойе Гитлера или Сталина. Это создает иллюзию объяснения, но никак не объясняет поведения соучастников Большого зла.

– Так что же заставляет человека участвовать в злых действиях? Ведь преступники, как и мы, воспринимают свои действия как шокирующие и отвратительные, так?

– Нет, не так. Они могут видеть все иначе и совершать массовые убийства для реализации своих идеалов, утопических проектов. Самое большое число жертв в истории при-

ШЛОСЬ, КАК ИЗВЕСТНО, ИМЕННО НА НИХ.

Тот, кто начал Холокост

Имя Фридриха Еккельна, высшего фюрера СС и полиции на юге, а потом на севере России, упомянуто в сотнях исторических трудов, однако большинству из нас ни о чем не скажет. А ведь так звали человека, который начал Холокост. Впрочем, слово “человек” здесь можно употребить разве что условно.

Фридрих Еккельн был первым, кто стал убивать в невиданном доселе масштабе. Мужчин и женщин. Стариков и детей. Палач Бабьего Яра и Рижского гетто, организатор “большой акции” в Бердичеве, о которой рассказал в “Черной книге” Василий Гроссман. Нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь заметного злодеяния на оккупированной территории СССР, к которому он был бы непричастен.

Советский суд, перед которым предстал Фридрих Еккельн, на евреях не особо акцентировал внимание, а воспоминаний советские судьи не оставляли. В судебном приговоре “истребление еврейского населения” стоит на последнем месте, после “арестов и истребления советских, партийных и профсоюзных активистов, деятелей науки и искусства”, “массовых арестов мирных советских граждан”.

Еккельна судили зимой 1946 года в советской Риге. В зале Дома офицеров, где заседал военный трибунал Прибалтийского военного округа, рядом с ним на скамье подсудимых

сидели еще пять гитлеровских генералов и один полковник – Зигфрид Руфф, Альбрехт Дижон фон Монтетон, Фридрих Вертер, Бруно Павель, Ганс Кюппер и Александр Беккинг. 3 февраля, на другой день после вынесения приговора, неподалеку, на площади Победы, все они были повешены. Такой, можно сказать, советский Нюрнберг.

Из материалов архивного уголовного дела (а это 20 пухлых томов по полтысячи страниц каждый) трудно понять, что это был за персонаж. К тому же процесс имел все присущие сталинской юстиции особенности. И все же в тех томах есть много такого, что способно пролить свет на личность интересующего меня лица.

– По каким мотивам уничтожали граждан еврейской национальности?

– По пропаганде, евреи должны были расстреливаться, потому что не могли продуктивно работать и жили как паразит в теле германского народа.

Отвечая на вопрос прокурора, Еккельн вторил Гиммлеру, приравнявшему евреев к “паразитам, подлежащим уничтожению”. Но, как заметил Станислав Лем в своей “Провокации”, “Гиммлер лгал, паразитов не подвергают мукам намеренно... Население гетто вымерло бы самое позднее лет через 40, если учесть, как стремительно оно сокращалось от голода, болезней и непосильного принудительного труда. Следовательно, выбор кровавой развязки не был продиктован ничем, кроме как желанием убивать”.

– Вы, конечно, разделяли точку зрения относительно евреев?

– Я эту точку зрения разделял, как большинство немцев.

Пусть так, недаром Ханна Арендт в опубликованной в 1944 году статье “Организованная вина” назвала немцев “народом, в котором так эффективно стерта черта, отделяющая преступников от нормальных людей”. И все же Еккельн лукавил. Он не просто разделял эту людоедскую точку зрения.

Защита (адвокат Миловидов). Вопрос свидетелю Фрицу Блашеку, бывшему руководителю строительной группы войск СС и полиции (одному из подчиненных Еккельна):

– Когда Еккельн рассказывал о планах уничтожения евреев, как считает свидетель, было ли это личным планом Еккельна или программой той партии, членом которой состоял подсудимый?

– Личного мнения мы почти не имели. Еккельн был, однако, одним из тех, которые делали мнение. Среди этих делающих мнение было трудно иметь собственное мнение. Это касается не только меня, а в основном всего германского народа.

– Больше у меня вопросов нет.

Я держал их в руках, правда, не все 20, а только три тома с грифом “Секретно”, с которыми мне любезно предоставили возможность ознакомиться в Центральном архиве ФСБ. Но, по счастью, копии остальных томов материалов дела, пусть и с отдельными изъятиями, оказались в библиотеке

вашиingtonского Мемориального музея Холокоста, причем в свободном, заметьте, доступе. Правда, там недоставало протокола судебного заседания, без которого вообще невозможно судить о процессе, – его мне разрешили изучить в Москве. Так что все-таки прав был Карл Радек, заметивший однажды: “Вершина знаний о человеке – архивы НКВД”.

В музее Яд Вашем в Иерусалиме нашлись копии 140 оригинальных документов из личного дела Еккельна, хранившегося в Главном управлении кадров СС в Берлине. Среди них – четыре анкеты (заполненные в 1935, 1936, 1937, 1939 годах), представления о награждении, выписки из приказов, телеграммы, поздравления Еккельна, адресованные его начальникам и товарищам по нацистской партии и СС, газетные публикации, где упоминается его фамилия.

Судя по всему, Еккельн стремился подчистить свое личное дело, заботясь о том, чтобы в нем были только те документы, которые показывали его с лучшей стороны. Во всяком случае, там есть несколько писем с просьбой внести те или иные пометки – когда и чем его наградили, присвоили очередное звание. Пришлось по крупицам собирать о нем сведения, рассыпанные по сохранившимся документам и немецким источникам. Но я сам никогда не одолел бы их массив, кабы не помощь историков Ильи Альтмана, Ивана Ковтуна, Никиты Петрова, Леонида Терушкина (Россия), Вадима Альцкана (США), Менахема Баркана, Григория Смирин (Латвия), Арона Шнеера, Полины Идельсон

(Израиль), Хуберта Куберского (Польша) и примкнувшей к ним израильской пенсионерки Раисы Школьник, которая, узнав о моих планах из соцсетей, предложила перевести интересные меня материалы с иврита.

Свидетель

И еще, конечно, Маргер Вестерман, 92-летний историк, основатель еврейского музея Риги. Он лично видел Еккельна. Дважды.

Первый раз – 9 декабря 1941 года на улице Лудзас, разделавшей пополам Рижское гетто. “Большого гетто” уже не существовало, все 25 тысяч его узников были убиты, одни – 1 декабря, другие – 8-го. 9 декабря в час дня 16-летний Маргер Вестерман из отгороженного “Малого гетто” увидел идущего по улице высокого эсэсовца в распахнутой генеральской шинели и с пистолетом в руке. По ту сторону улицы все еще шла зачистка, эсэсовцы искали спрятавшихся, раздавались выстрелы. От знакомого из полиции гетто он узнал, что это был тот, кто отдал приказ об уничтожении, – Фридрих Еккельн.

Второй раз он увидел Еккельна 3 февраля 1946 года на площади Победы. “Мы шли на казнь как на праздник, – рассказывал он мне. – Когда его вешали, мы с Яковом Баснером (еще один выживший узник гетто) кричали и плакали”.

“Я еще не дожил до осуждения всех убийц”, – помолчав, добавил Вестерман. И признался, что все минувшие годы живет одним чувством. Кто-то мог бы назвать его жаждой мести, но это будет ошибкой. Речь всего лишь о справедливости, справедливом возмездии, если хотите.

Три источника

Хотел бы упомянуть еще трех действующих лиц, с которыми я никогда не встречался, но без них вряд ли сложилась бы эта книга.

...Лет 10 назад я думать не думал о Еккельне, однако, наткнувшись в книжном магазине в Риге на толстую книгу о Рижском процессе, не удержался и купил ее. Множество ссылок и фото – автору, в отличие от меня, удалось ознакомиться со всеми материалами дела, сразу видно – серьезный труд. “Эшафот (О суде над немецкими генералами в Риге)” – так называлась эта книга, написанная Андрисом Грутупсом. Автор, как сразу выяснилось благодаря “Википедии”, в недалеком прошлом мой коллега, бывший сотрудник советской прокуратуры, а в новые времена – известный адвокат, один из 100 латвийских миллионеров.

Но стоило мне начать читать, как я с удивлением обнаружил прям-таки апологетические пассажи: “Еккельн вину признал, сделал это честно и мужественно. По-разному можно оценивать этого человека. Но нельзя отрицать отваги генерала. Такое поведение всегда вызывает уважение... Что-то в этом человеке потрясло. Обвиняемый не оправдывался, не выкручивался...” Нечто подобное мне позже попало на сайте немецких неонацистов с символическим названием: “Я немец, я не преступник”. Еккельн, сказано там, на про-

цессе вел себя гордо и – несломленный – умер по-геройски.

От знакомых рижан я узнал, что автор был изрядным антисемитом, винившим евреев во всем и в особенности в затеянных против него лично интригах. При этом, по свидетельству Маргера Вестермана, Грутупс не раз заходил в рижский музей “Евреи в Латвии”, и потому для его основателя выход “Эшафота” был взрывом бомбы. Естественно, он не принял приглашение на презентацию книги в ресторане “Зеленый попугай” и больше с ее автором не здоровался.

Грутупса больше нет, он покоится на Лесном кладбище под дорогим памятником, который поставил сам себе за несколько лет до совершенного в 2014 году самоубийства. Но книга его живет. Автор успел подарить ее 277 латвийским школам. Так что, возможно, его взгляды прорастают в новом поколении, выросшем в постсоветские годы, на глазах которого проходили шествия бывших легионеров Ваффен-СС. Впрочем, как заметил упоминавшийся уже историк Григорий Смирин, вряд ли кто-то из детей смог осилить книгу Грутупса, поскольку она “страшно нудная”.

...Андрис Грутупс и Петр Крупников – оба рижане и полные антиподы. Один – едва ли не первым изучил материалы процесса и написал о нем толстый том, другой – сам был на том процессе переводчиком. Между прочим, последний не раз упомянут в “Эшафоте”, с обязательным указанием – “еврей Крупников”.

“В начале января 1946 года, будучи в Риге, я встретил

на улице знакомую даму, которая сказала, что ужасно не хватает переводчиков, ибо готовится процесс, – рассказывал Крупников спустя годы. – Другие кандидаты в переводчики были в основном женщины и раненые мужчины, в то время как я все еще был командиром роты... Понравилась моя выправка, меня приняли, хотя погрозили пальцем: если бы не процесс, то за самоволку меня бы призвали к ответственности”. В Риге он был в самовольной отлучке. Ну, не вполне в самовольной. “Если тебя поймают, ты будешь дезертиром, – сказал ему командир полка, – если не поймают, пей сколько хочешь”. Таким, по его словам, было время: “Если человек в 1941 году договорился с товарищами встретиться после войны, то его не могли не отпустить, даже если “не положено”.

Став переводчиком на процессе, Крупников захотел воспользоваться возможностью поговорить с обвиняемыми и отправился в одну из актерских уборных Дома офицеров, где их держали в перерывах. “Солдат охраны меня туда не пускал. Я пошел к председателю суда и сказал, что хочу попасть к обвиняемым. “Зачем вам это нужно?” – “Я историк, хочу поговорить с ними”. Он позвал коменданта – так я получил пропуск с особым примечанием, что могу ходить к подсудимым. Там сидели Еккельн, Павел и еще некоторые. Мы совершенно спокойно говорили о всяких вещах. К тому же они говорили охотно. Когда я позднее об этом рассказывал, многие мне не верили”. Мы поверим и воспользуемся в дальнейшем его свидетельством.

...И, наконец, третий персонаж, его глазами я увидел некоторые страницы биографии Еккельна, – Бруно Штреккенбах, группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции, занимавший в начале войны один из самых высоких постов в эсэсовской иерархии – начальника 1-го отделения РСХА, персонально ведавшего кадрами убийц.

Личные документы Еккельна сгорели в доме во время бомбежки Брауншвейга англо-американской авиацией. “... Мой дом был полностью разрушен террористическим нападением и сожжен, – писал Еккельн 25 ноября 1944 года начальнику Главного управления кадров СС фон Герфу из Либау. – После того как станет немного спокойнее, я, возможно, смогу восстановить по памяти моменты моей биографии, но главное – смогу записать эти данные в личную анкету”. Не смог, не успел.

По каким-то не известным мне причинам в хранящейся в Яд Вашем копии личного дела Еккельна из эсэсовской канцелярии почти ничего нет о его службе в СС и полиции до 1939 года. Ну, за исключением перечня должностей и регалий. Тут-то мне и пригодились материалы уголовного дела по обвинению Бруно Штреккенбаха, скопированные сотрудниками вашингтонского музея Холокоста.

9 мая 1945 года Штреккенбах, будучи командиром 19-й Латышской добровольческой дивизии СС, попал в советский плен. В мундире унтер-офицера, на который сменил свой генеральский китель. В чем он признался на первом же до-

просе. Этих допросов потом было великое множество, следствие тянулось аж семь лет, суд над Штреккенбахом состоялся только в 1952 году. Высокопоставленного убийцу, в отличие от Еккельна, не казнили, осудили к 25 годам тюрьмы – к моменту суда над ним действовал указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года “Об отказе от смертной казни”. В 1955 году Штреккенбах вместе с другими военнопленными благополучно вернулся в Германию, умер своей смертью в 1977 году в Гамбурге – городе, где начинал свою карьеру в должности начальника гестапо.

Помимо протоколов допросов в материалах его дела чудесным образом оказались документы, которые обычно хранятся в других местах, – многостраничные пояснения Штреккенбаха по вопросам, не имевшим значения для обвинения, но интересовавшим советскую разведку и контрразведку. В них он подробно рассказывал о характере своей службы, давал характеристики сослуживцам, делился именами и приметами агентов. Есть там и характеристика Еккельна, и, главное, по этим документам можно составить представление о том, чем тот занимался в довоенные годы.

Не просто работа

...Не раз задавал я себе вопрос: что заставляет меня копаться в страшных документах, после чтения которых не спишь ночами, воображая состояние людей, спускавшихся в рвы смерти и укладывавшихся на тела убитых минутой раньше? Зачем пытаюсь сложить по крупицам личность одного из самых больших злодеев страшной войны? Настоящего, отнюдь не кабинетного убийцы, где-то далеко готовившего бумаги об убийстве абстрактных миллионов. Еккельн, в отличие от Эйхмана – “бухгалтера смерти”, – был из тех, кто сам отдавал преступные приказы и подавал пример их исполнения.

Для Еккельна творимое им зло было не просто работой, позволявшей ему самовыражаться, он сам был беспримесным злом. Впрочем, сказать это, подразумевая, что он был бандит и садист, – значит упростить проблему, и в результате получится та же банальность, только с обратным знаком. Мало поможет и ссылка на антисемитизм – это всего лишь “такой хороший показатель наличия зла в человеке” (Эндрю Клейвен). Потому-то я и попытался просто вникнуть в обстоятельства жизни одного из его носителей.

В общем-то ясно, как должно было быть устроено государство, чтобы такие, как Еккельн, получили возможность безнаказанно злодействовать. Но ведь и оно само – кровное

детище таких, как Еккельн, вот в чем дело.

Когда мир узнал о Холокосте, перевернулись все представления о зле – Холокост стал его мерилом. Но безмерное зло совершалось людьми. На последующих страницах вы увидите одного из них – отстающего ученика, рано оставшегося без отца, завидующего успешным одноклассникам-евреям, после – храброго добровольца, произведенного в офицеры на мировой войне и никому не нужного после нее, виновного в поражении тех же евреев, и, наконец, фанатичного нациста, сполна компенсировавшего свои прежние жизненные неудачи фантастической карьерой, а в частной сфере – донжуана, психопата и алкоголика. Увидите его среди соотечественников, униженных Версалем и поверивших лидеру нации, в компании соратников, любителей красивой формы и исполнителей преступных приказов – еще до того, как мир заплатил за их обиды и неустроенность. Это ведь они убивали, а не Гитлер с Гиммлером, восседавшие наверху кровавой пирамиды. Больше того, не без их участия страшная логика завела вождей рейха туда, куда она их завела.

Материала к биографии Еккельна, как я уже говорил, сохранилось немного, так что иногда у меня возникал соблазн домыслить тот или иной эпизод или даже плюнуть на проделанную работу и написать собирательный образ высокопоставленного эсэсовца, придав выдуманному персонажу черты Еккельна. От этой идеи я отказался после того, как прочитал книгу Лорана Бине “*НННН*” о Рейнхарде Гейдрихе. Би-

не говорит, что “придумывать персонажей для лучшего понимания исторических фактов – все равно что подделывать доказательства” или даже “приносить отягчающие улики на место преступления, когда их там и так полно”. Так что я не стал ничего придумывать, и в книге, которую вы держите в руках, писал только правду, “не торопясь вязать за связью связь, на цыпочки стиха не становясь, метафоры брезгливо убирая...” (Борис Слуцкий).

Между прочим, Лоран Бине назвал жанр своего повествования неизвестным науке термином “инфрароман”. Согласно словарям, “инфра” (лат. *infra*-) – приставка, означающая “нахождение ниже чего-либо, под чем-либо”. Моя книга по жанру еще ниже, чем “недороман”, и вообще никакой не роман. Впрочем, боюсь, она не дотягивает и до исторического труда, слишком много в ней отвлечений, заинтересовавших меня личных историй. Эти истории порой лишь косвенно относятся к центральному персонажу книги, но они столь драматичны, что я просто не мог пройти мимо. Сами подумайте: мог ли я не поделиться историей спасенной одним из палачей девушки из Рижского гетто, если мне в руки попал никогда не публиковавшийся документ о ее удивительной судьбе? Или историей митрополита, создателя Псковской православной миссии, в чьем убийстве обвинялся Еккельн?

Вот почему пришлось придумывать термин для обозначения жанра своего повествования – “архивная драма”. В этой “драме” множество актов и явлений, коротких эпизодов, и,

хотя все они основаны на бесстрастных документах, едва ли не в каждом – сюжет, да еще какой.

Глава 1

“Грех против крови”

Ничто не предвещало, что он станет одним из величайших злодеев мировой войны. Фридрих Еккельн происходил из вполне приличной бюргерской семьи. Родился в 1895 году в Хорнберге, маленьком городке в Шварцвальде. Город стоит на знаменитой “Дороге замков и дворцов”, неподалеку – крепость XI века, окруженная “виноградными склонами, которые спускаются к романтической долине Некар”. Так пишут в путеводителях. Там упоминаются и наиболее известные уроженцы Хорнберга – банкир из Гамбурга да директор Баденской государственной пивоварни. Сейчас в городе живет немногим больше 4 тысяч человек.

На месте, где стоит завод по выпуску приборов точной механики и электротехники, в конце XIX века была швейная фабрика, там шили белье. Ее владелец Генрих-Теодор Еккельн переехал в Хорнберг из Нассау, где его отец Август Еккельн служил пастором лютеранской церкви. В 1892 году Генрих-Теодор сочетался здесь браком с 18-летней Эммой Розин Тротвайн, а через семь лет умер. За это время родилось шестеро детей. После смерти мужа молодая вдова с детьми переехала во Фрайбург.

Высшее без среднего

О детстве и юности Еккельна известно мало, можно сказать, почти ничего. На вопросы анкет, хранившихся в Главном управлении кадров СС, он отвечал крайне противоречиво. 19 сентября 1935 года на вопрос “Посещали ли Вы среднюю школу? Сколько классов?” Еккельн чернильным пером делает две косые черты, обозначающие прочерк. Зато против графы “Высшая школа” – стоит “да”. “Какая высшая школа?” – “Политехникум”, без уточнения, что это за заведение.

В анкете от 19 мая 1939 года на одной и той же странице – взаимоисключающие ответы. На вопрос “Посещали ли Вы высшую школу?” Еккельн отвечает: да, посещал. “Есть ли у Вас аттестат зрелости?” – “Нет”. Просто-таки один из персонажей Аркадия Райкина: “Имею высшее образование, но не имею среднего”.

Единственное, что в этой анкете похоже на правду, это сообщение Еккельна, что он окончил народную школу. На уточняющий вопрос: “Сколько классов?” – ответ: “Четыре года”.

В то время в Германии народная школа была школой для бедных. Ее задачей была подготовка детей к практической жизни. В нее входила единая четырехлетняя первая ступень, обязательная для детей от 6 до 10 лет и вторая для 10–14-летних. Скорее всего, Еккельн в анкете имел в виду вторую

ступень.

Со слов дочери, он посещал еще реальное училище (по-видимому, политехническую школу в Кетене). В нем, как и в гимназии, давалось среднее образование – и там и там с платой за обучение. В военные годы он пожаловался в письме к любовнице, что в реальном училище не был допущен до выпускных экзаменов и потому оказался единственным в большой семье мужчиной, не получившим среднего образования.

Достоверный факт – в 1911 году 15-летний Фридрих бросил учебу и пошел работать на машиностроительный завод. Кем он мог там работать? Вероятно, был на грязной и малооплачиваемой работе. Для буржуазной семьи это весьма необычно. Что с ним тогда случилось, неизвестно, скорее всего, просто не тянул учебу, но это что-то мучило Еккельна всю последующую жизнь. Во всяком случае, с тех пор он всегда проявлял упорство в достижении цели и никогда – простое человеческое сочувствие, препятствовавшее ее достижению.

Кавалер Железного креста

1 октября 1913 года началась его служба в армии. 18-летнего Еккельна могли призвать только по его инициативе (призыв был с 19 лет) – таким, как он, самая дорога в армию. Меньше чем через год началась Первая мировая война, которую он встретил в 76-м Баденском полку полевой артиллерии.

Воевал он, судя по всему, хорошо. Был ранен. В 1916 году Еккельна наградили Железным крестом II класса и произвели в лейтенанты. В конце войны он поступил в летную военную школу и в 1917 году стал пилотом в молодом тогда германском авиационном корпусе. Собирался после войны продолжить карьеру в военной авиации, но Версальский договор запретил Германии иметь военно-воздушные силы, да и сухопутную армию ограничил до 100 тысяч человек. В новый рейхсвер брали только самых подготовленных офицеров, и Еккельну, вероятно, из-за отсутствия диплома, места не нашлось. Возможно, были и проблемы со здоровьем – в одном из писем Гиммлеру он пишет, что “не был тогда годен к строевой службе”.

В январе 1919 года Еккельн уходит из армии. Возможно, останься он там, его жизнь сложилась бы иначе. Но его ожидала иная карьера – нацистская партия и СС, постепенное превращение в убийцу.

“После войны – самостоятельная деятельность в качестве инженера”, – пишет он в 1939 году в анкете в графе “Гражданская профессия”. Очевидно, что отсутствие высшего образования и на пике карьеры являлось для Еккельна большой темой. Налицо явный комплекс неполноценности – никаким инженером Еккельн, конечно же, не был.

13 мая 1918 года Фридрих женился на Шарлотте Хирш, девушке, хотя и “абсолютно чистой в расовом отношении, но приемной дочери полужидея”. Так спустя полвека после его смерти рассказывала Петру Крупникову незаконнорожденная дочь Еккельна Рената. С ее же слов, Фридриха вскоре уволили, и отчим жены “подбросил ему немного денег”. Опять получил работу и опять был уволен. Давая очередную сумму, Пауль Хирш выговорил зятю: “Если мужчина женился, то ему следует работать так, чтобы он мог содержать свою жену”. То, что еврей или наполовину еврей мог сказать такое ему, германскому офицеру, вызвало у Еккельна фантастическую лавину гнева.

“Расово грязная” женитьба

Антисемитом Фридрих был со школьных лет. В его классе учились два еврейских мальчика, окончившие реальное училище блестяще, – об этом неприятном факте он вспоминал в письме матери Ренаты спустя десятилетия.

Благодаря принятой в 1871 году Конституции евреев в Германии признали равноправными гражданами, однако они по-прежнему подвергались дискриминации. И даже ассимиляция не помогала это преодолеть. Будущий рейхсмаршал Герман Геринг был двумя годами старше Еккельна. Однажды в школе, получив задание написать сочинение о героях, он посвятил его своему крестному – Герману фон Эпенштайну, у которого были еврейские корни. Это вызвало всеобщее возмущение со стороны окружающих. Учитель в качестве наказания заставил Геринга 100 раз написать в тетради: “Я не буду писать сочинения во славу евреев”. А соученики принудили ходить по школьному двору с табличкой на шее – “Мой крестный отец – еврей”.

...Предоставим слово Еккельну: “Я сочетался браком в возрасте 23 лет, – писал он Гиммлеру в 1932 году. – ... Вначале брак был счастливым, так как не существовало экономических проблем”. И дальше все шло бы хорошо, кабы не тещь. “Мое намерение состояло в том, чтобы остаться в армии. Сразу после революции отец моей первой жены обра-

тился ко мне с наглым требованием перебраться на восток, где он намеревался купить недвижимость. После долгих колебаний я согласился, ушел в январе 1919 года в отставку”.

Еккельн лжет, будто его кто-то в армии удерживал. Вероятно, лжив и последующий рассказ: “Господин Хирш, имея низкий уровень образования (кто бы говорил! – *Л.С.*), был вспыльчивым человеком... Имел сварливый характер и стремился сделать из меня послушное орудие для своих планов”.

В этих планах, похоже, не было ничего худого. Пауль Хирш приобрел на имя дочери большое поместье в Траппенфельде, на Еккельна легли обязанности управляющего. Но с фермерством у него не заладилось, что вновь привело к острым конфликтам с тестем. Правда, сам он объяснял это тем, что в отличие от Хирша “имел понятие о совести и чести” и потому “в скором времени пришел в состояние отчужденности по отношению к моей первой жене, что произошло благодаря господину Хиршу”.

“Я часто отсутствовал дома, был в кругу друзей – бывших офицеров. В кругу друзей я находил забвение от многих внутренних конфликтов, и я должен сказать, что в последние два года значительно предавался употреблению алкоголя. В этих условиях брак начал разрушаться, так как между нами не существовало никакой психологической связи. Только дети были еще связующим звеном”. В 1924 году он “ушел, чтобы начать новую жизнь”. Но вскоре вернулся, правда, попросил жену “передать господину Хиршу предостережение

больше не переступать порог его домашнего очага, иначе я не мог гарантировать, что не застрелю его, как бешеную собаку”. Еккельн окончательно оставил Траппенфельд 27 июля 1925 года.

“Брак развалился на куски”, как пишет Еккельн, когда у него “появилась твердая уверенность, что Хирш – еврей. Осознание этого факта было самым трудным ударом в моей жизни”. Впрочем, скорее всего, Хирш не имел к евреям никакого отношения, сам Еккельн утверждал, что тот даже не был похож на еврея внешне. Отчего же он пришел к выводу о еврейском происхождении тестя? Оттого лишь, что человек, занимавшийся во время послевоенной инфляции спекулятивными сделками, “парвеню в самом дурном смысле этого слова”, мог быть только евреем.

Его размышления о евреях носили не только “классовый”, но и расовый характер. В 1921 году Еккельн прочитал один нашумевший в то время антисемитский опус. “Я сомневался в еврейском происхождении Хирша, – писал он Гиммлеру. – В лице ничего еврейского. Скорее наоборот. Но книга убедила меня. Она внесла ясность. Хирш был евреем”.

Что же это за книга, позволяющая безошибочно распознать врага-еврея? Это роман Артура Динтера “Грех против крови” (“*Die Sünde wider das Blut*”), впервые изданный в 1917 году в Веймаре и скоро ставший бестселлером (тираж к 1934 году превысил 260 тысяч экземпляров). Динтер, вступивший в НСДАП в 1925 году и получивший партбилет № 5

(Гитлер имел билет № 7), был одним из самых радикальных антисемитов своего времени. Скажем, он утверждал, что после замужества за евреем арийская женщина в повторном браке с арийским супругом будет рожать детей с примесью еврейской крови. Именно этот бред привел Еккельна, по его собственному признанию, “к осознанию решающего значения расы в человеческой жизни”.

Не известно, как адресат письма относился к книге Динтера. Зато благодаря дневнику Гиммлера известно, что с лета 1922-го по лето 1924 года тот прочел 81 книгу, почти половина из которых – антисемитского характера (о женщинах-нееврейках, соблазненных евреями и т. п.).

...Так Еккельн пришел к выводу: его брак, в котором родилось трое детей, был “расово грязным” (*rassisch verseucht*) – и в 1927 году принял решение развестись. Принять-то принял, да на развод в феврале 1927 года подала его жена. И поводом для развода было совсем другое. “Я был обвинен в прелюбодеянии в нескольких случаях, однако показания, данные свидетелями под присягой, оказались малоубедительными”. Как обычно, Еккельн сам себе противоречит и далее сообщает: “В ноябре 1927 года был юридически оформлен развод, и я был объявлен единственным виновником неблагоприятных отношений, которые привели к таким событиям”.

Психология зла – 2

– Что же в детстве и юности Еккельна могло привести впоследствии к тем жесточайшим преступлениям, которые он совершил?

– Слишком мало известно о том, как его, рано оставшегося без отца, воспитывали, с кем он идентифицировался, – продолжает Сергей Ениколопов. Принято считать, что фашистские взгляды чаще всего возникали из-за авторитарной системы воспитания с жестким подчинением отцу. Но на деле в семье у многих нацистских преступников отца не было. Гитлер заменил кому-то отца, кому-то – старшего брата.

– “Безотчетная ненависть, сладострастная жажда истребления, – писал Лев Гинзбург в книге “Цена пепла”, – были той силой, которая вовлекала в фашистскую партию людей с извращенной психикой, неврастеников, хулиганов, озлобленных неудачников”. Насколько это так?

– Еккельн – типичный психопат, их немало среди насильственных преступников. У таких – асоциальное расстройство личности, не связанное, однако, с острым психозом. Социопаты, как их часто называют, совершают асоциальные действия, могут идти по головам, все прекрасно осознавая. Они не сумасшедшие, им просто свойственно отсутствие эмпатии, они нечувствительны к страданиям других. Между прочим, ведущий диагностический признак, характеризую-

щий такого психопата, – вовсе не агрессия, а лживость.

– Понятно, он лгал, заполняя пункты анкет об образовании. Но ведь в рассказе о своей семейной неудаче он, похоже, был искренен.

– Возможно, причина развода вовсе не в тесте, как Еккельн уверяет. Это ведь жена должна была корить мужа за то, что он не в состоянии прокормить семью. И это сильно уязвляло его самолюбие, было угрозой для самооценки. Свои личные проблемы с женой он мог перенести на тестя. А параллельно он читает книгу, и все становится на места. Найденное объяснение позволяет снять с себя ответственность – ведь все его проблемы из-за евреев.

Друзья

Как мы помним, Еккельн заливал вином свои семейные и прочие неудачи в компании бывших фронтовиков. В этом смысле он был довольно-таки типичным представителем “поколения девятисотых”, к которому принадлежали Шперер, Борман и многие другие высокопоставленные нацисты.

“Мы ожесточились и не доверяли никому, кроме ближайшего товарища, – говорил один из героев ремарковских “Трех товарищей”. – Все рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставались только бессилие, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих и мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета”. В этом все они, представители “потерянного поколения”, сходились. Дальше шли расхождения. Кто-то, как сам Ремарк (тоже награжденный на войне Железным крестом), становился пацифистом, но куда больше было таких, как Еккельн, кто хорошо себя чувствовал только на военной службе и верил в то, что социальный порядок строится на дисциплине и солдатских добродетелях. А коли в обществе нет порядка, им нужна была военизированная организация, способная обустроить общество. Из ветеранских организаций тех лет вышло немало будущих убийц.

...В той же анкете Еккельн сообщал, что с 1922 по 1924

год был членом Младотевтонского ордена (“Юнгдо”) – националистического антисемитского союза, основанного на общей волне переживания поражения в войне и желания многих восстановить рейх. Еккельн, как и другие, никак не мог понять, как и почему Германия капитулировала, ведь ее армии были на чужой территории. Причиной не могло быть ничто иное, как удар ножом в спину, предательство политиков. Левых политиков. Большинство из них были евреи, что и требовалось доказать.

Миф о роли евреев в Первую мировую родился именно таким образом. Еврей стал символом левого политика и одновременно капиталиста-эксплуататора – одно другому не мешало.

Возможно, у “Юнгдо” рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер позаимствовал строгие ритуалы и саму идею своей “черной гвардии” как “ордена нордических мужей”. Правда, после прихода Гитлера к власти Младотевтонский орден был распущен, а его магистр – подполковник Артур Мараун – арестован и заключен в концлагерь. Ничего удивительного. И Сталин, говоривший о своей коммунистической партии как об “ордене меченосцев”, от старых большевиков предпочитал избавляться.

Помимо Еккельна из ордена вышли Гейнц Йост и Вальтер Хенш, одно время командовавшие айнзатцгруппами (А и С). Настоящая кузница палаческих кадров. За малым исключением.

...В июне 1941-го, за несколько дней до нападения немцев, Сталину была доставлена шифрограмма, предупреждавшая, что германская агрессия может начаться с минуты на минуту. Хорошо известна виза вождя на документе: “Т-щу Меркулову. Может, послать ваш “источник” из штаба герм. авиации к е...ной матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.”. Менее известно, что “дезинформатор”, обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен (агентурный псевдоним Старшина), служивший в Генеральном штабе люфтваффе, в 1920-е годы был членом Младотевтонского ордена. Правда, он, в отличие от многих своих соратников при гитлеровском режиме, не сделал карьеру, и симпатии этого германского офицера плавно перешли от национал-социализма к социализму в его сталинской версии. В 1936 году он начал сотрудничать с советской разведкой, за что в декабре 1942 года был повешен по приговору военного суда рейха.

Неудачник

“В течение двух первых лет после ухода из Траппенфельда дела мои оставляли желать лучшего. Я был внутренне разбит и экономически разорен, обустроить свою жизнь мне не удалось. Насколько было возможно, я посылал детям небольшие суммы денег в особых случаях, это были суммы 10 или 20 рейхсмарок, это всегда были мои последние деньги”.

Скорее всего, Еккельн, как обычно, лжет. Иначе Шарлотта Хирш-Еккельн не обращалась бы 5 февраля 1932 года с письмом к Гитлеру и не просила бы “повлиять на Фридриха, который в течение почти семи лет не платил алименты, так что ей пришлось выставить принадлежащую ей землю на продажу”.

Письмо (оно сохранилось в личном деле Еккельна) было отправлено в канун президентских выборов 1932 года, тех самых, на которых Гитлер уступил победу Гинденбургу. В нем Шарлотта патетически ссылается на ту “помощь, которую Гитлер оказывает всем немцам”, и добавляет: “Так, может быть, вы окажете помощь трем немецким детям?”

Расчет ее не оправдался, жалоба была переправлена рейхсфюреру СС, а тот прикрыл своего подчиненного. Правда, было проведено внутреннее расследование, у Еккельна отобрали объяснения. В них он привел бесприкрытый аргумент, указав, что его тесть являлся “типичным евреем”,

“обладал всеми типично еврейскими качествами”. Этого было достаточно.

25 февраля 1932 года Гиммлер сообщил госпоже Хирш-Еккельн, что ее бывший муж зарплату в СС не получает, поэтому ее требования необоснованны. В то же время Еккельн, как указано в письме, готов взять детей от первого брака под свою опеку. При этом никак не объяснялось, почему же, если он мог взять опеку над детьми, не был в состоянии платить алименты (между прочим, по решению суда). Еккельн опасался, что жалоба подорвет его позиции в партии и СС, а получилось, напротив, укрепила.

К тому моменту Еккельн женится вновь (в 1928 году), и вновь на богатой невесте – на 21-летней Аннемари Винсс, происходившей из состоятельной семьи западно-прусских меннонитов. Высокого роста (181 сантиметр), голубоглазый, он, несомненно, обладал немалой привлекательностью.

Петр Крупников, принимая участие в 1992 году в съемках документального фильма Би-би-си о нацистской программе “Лебенсборн”, сумел посмотреть снятые в разное время и при разных обстоятельствах документальные кадры с Еккельном. “Я увидел, – признавался он впоследствии, – что он мог быть обаятельным, с доброй улыбкой. Палачу не обязательно быть противным. Многие палачи XX века занимались искусством – Ежов хорошо пел, Ягода знал наизусть половину русской поэзии”.

Да, женщин Еккельн привлекал, в остальном же по-преж-

нему был неудачником. Совсем недолго проработал в топливной компании Лейна в Ганновере, опять занялся поиском работы. И так до тех пор, пока в его жизни не произошло знаменательное событие – в 1929 году Еккельн вступил в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию.

Психология зла – 3

– Как формируется образ врага?

– Во времена кризисов в обществе обостряется интерес к истории, индивидуальной и коллективной памяти. В ней люди пытаются найти обоснование собственной идентичности. Но не только. Поиск “иного”, “врага” также этому способствует. Осознание того, что другой человек является “чужим”, что он вообще недочеловек, служит консолидации “своих”, повышению групповой и индивидуальной самооценки. Возникает апелляция к патриотическим чувствам. Создаваемое таким образом ощущение опасности пробуждает естественную оборонительную агрессивность, но это реакция на воображаемую угрозу (предательство государственных интересов, человеческие жертвоприношения, заговор). Это позволяет довольно умело управлять людьми.

Правда, враждебное отношение к определенным социальным или национальным группам не ведет к немедленному проявлению по отношению к ним насилия и агрессии. Для геноцида надо, чтобы у людей возникла по отношению к объекту так называемая “враждебная триада” – гнев, отвращение и презрение. На таком эмоциональном фоне “чужой” выключается из принятых моральных и этических норм. Так в Германии было с евреями. Вот только у Еккельна по отношению к ним гнева могло быть больше, чем у других, что

объясняется посттравматическим синдромом ветерана войны. Ведь это евреи, по его мнению, были виноваты и в поражении в войне, и в том, что он не мог найти работу.

Глава 2

Почетная партийная работа

На этот раз передо мною другая анкета – заполненная во внутренней тюрьме НКГБ Латвийской ССР – анкета арестованного. В графе “партийность” указано: беспартийный. Однако в протоколах последующих допросов (первый вопрос на допросе – о партийности) ошибка исправлена – член Национал-социалистической немецкой рабочей партии с 1929 года. На моей памяти в советской печати при упоминании нацистской партии слово “рабочая” опускали во избежание ненужных аналогий. Зато слово “социалистическая” писали так – “социалистская”. Здесь же все написано правильно – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

Пропагандист

– Когда Вы вступили в НСДАП?

– Членом НСДАП я стал 1 октября 1929 года в Ганновере.

В это время я был безработным и верил пропаганде Гитлера, что если у Гитлера будет власть, то у всех немцев будет работа и счастливая жизнь.

– Какую работу Вы выполняли в НСДАП?

– В 1930 году я занимался фашистской пропагандой в Ганновере. Позже, в апреле 1931 года, я был простым эсэсовцем в Ганновере.

Так Еккельн отвечал на допросе у следователя, стремясь попасть в такт советским пропагандистским представлениям. Допрашивал его приехавший из Москвы замначальника 2-го управления НКГБ СССР майор Цветаев, переводил показания сержант Суур. Велась стенограмма. Первый допрос состоялся 13 декабря, потом 14-го, затем с 20 декабря каждый день, иногда по два раза в день. Допросы не прерывались даже в новогоднюю ночь: 31 декабря 1945 года допрос начался в 19:00 и закончился 1 января 1946 года в 2:30. Торопились, поскольку дата процесса была заранее определена.

В судебном заседании прокурор задавал по этому поводу уточняющие вопросы.

– Пусть Еккельн перечислит свою работу в партии. Какие занимал должности в нацистской партии, какую работу вы-

полнял, характер этой работы, место и время?

– С 1 октября 1929 года по 4 января 1931 года я был рядовым членом партии и не занимал никакой партийной должности... Вначале я был простым эсэсовцем и имел почетную общественную нагрузку.

Все эти “общественные нагрузки”, конечно же, – трудности перевода с нацистского на советский новояз. У нацистов это называлось иначе – “почетная партийная работа”.

К 1929 году НСДАП уже превратилась в массовую партию. Еккельну потребовалось время, чтобы примкнуть к национал-социалистическому движению, и все же он успел попасть в число партийцев с дореволюционным стажем. Что в дальнейшем позволило ему высоко подняться в СС, стать одним из самых могущественных функционеров.

Одновременно оказались востребованы люди с похожей биографией. Будущий комендант Освенцима Рудольф Хёсс в 16 лет ушел добровольцем на фронт, после окончания Первой мировой войны был на грани самоубийства, и его, ничего, никому не нужного, прибило к национал-социалистам. Там, где разрешено убивать, они могли проявить себя.

По признанию Еккельна, вступление в нацистское движение наполнило его жизнь новым смыслом. Но и он представлял для партии ценность, имея в виду его военное прошлое и, вероятно, дар убеждения. Иначе вряд ли его бы определили в партийные ораторы. Таким стало его первое партийное поручение, полученное в 1930 году. Как пропагандист он, ве-

роятно, умел находить путь к сердцам слушателей. Особенно если между ним и воспитанниками было что-то общее.

“Новая порода”

В то же время, хотя и в другом городе – Линце – и даже в другом (пока еще) государстве – Австрии, жил молодой человек с похожей судьбой. Правда, был помладше, на войну опоздал. В 15 лет отец забрал его из школы и отправил работать на шахту. “Надо признать, еще и потому, что я был не самым прилежным школьником... Через два с половиной года отец объяснил мне, что так я никогда не добьюсь успеха”. Он не добился успеха и когда благодаря дяде устроился в компанию “Вакуум ойл”, потому что “директор Топпер был еврей, и его заместитель Вайс тоже, а может быть, и директор отделения в Линце – Каннхойзер, а зальцбургский директор Блум – уж точно”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.